

Посадка редьки и груш

Тао Цю продолжил насыщать энергией все редьки. Он наблюдал, как они цветут, увядают, стареют и дают семена. Затем он сосредоточился на одной из них.

Постепенно на её поверхности проступили знакомые тёмно-коричневые прожилки. Но, в отличие от редек в поле, она не раздулась, а наоборот, начала съёживаться, пока не превратилась в ком зловонной жижи.

Вонь ударила в носы трём птенцам, наблюдавшим за процессом.

— Цю! Цю! — взволнованно зачирикала Вторая. — Папа! Воняет!

Старший и Третья, закрыв лица крыльями, попятились назад.

Запах был раза в три слабее, чем у исходного плода, но всё равно сбивал с ног. Если таким швырнуть во врага, можно было оглушить его на несколько секунд.

Похоже, растения, очищенные его способностью, всё же сохраняли некоторые изначальные свойства.

Тао Цю остался доволен результатом. Хотя он и сам был сильным бойцом, глупо было бы отказываться от такого подспорья в бою.

Но сейчас нужно было убрать эту гадость, иначе птенцы задохнутся.

Зря он затеял это в пещере. Нужно было спуститься в долину.

Тао Цю сгрёб жижу в бамбуковый тубус, подхватил старую, готовую взорваться, редьку и виновато посмотрел на птенцов, которые, спрятавшись в гнезде, жалобно выглядывали оттуда.

— Папа сейчас всё выбросит.

С этими словами он быстро выбежал из пещеры. Три пушистые головы проводили его взглядом.

Тао Цю отлетел в самую безлюдную часть своих владений, вырыл яму, разрезал старую редьку на куски и закопал всё вместе с жижей.

Теперь можно было дышать спокойно.

Думая о детях, он поспешил обратно.

Вскоре его силуэт скрылся за горой. Спустя несколько минут к месту, где он закопал редьку, подползла чёрная змея толщиной с человеческую руку.

Она посмотрела на остатки жижи у края ямы, в её карих глазах мелькнул холодный огонёк. Вспомнив приказ, змея, поборов отвращение, слизнула грязь и быстро уползла прочь с территории Тао Цю.

Пещера хорошо проветривалась, и к возвращению Тао Цю запах почти выветрился.

— Простите, малыши, что напугал вас вонью, — извинился он.

— Цю-цю, цю-цю, — прочирикала Третья. — Не извиняйся, папа. Ты ведь не просто так это делаешь.

Старший согласно кивнул.

— Цю-цю-цю? — с любопытством спросила Вторая. — А зачем превращать вкусную редьку в вонючую кашу?

— Если встретим злодея, — улыбнулся Тао Цю, — можно будет швырнуть ему это в лицо.

— Цю-цю, — представила Вторая. — Злодей точно умрёт от вони.

— Цю, — добавила Третья. — Папа такой умный.

Старший, подумав, заключил:

— Цю-цю. — И мы, птенцы, тоже сможем этим пользоваться.

— Всё верно, мои умницы, — рассмеялся Тао Цю.

Тут его живот громко заурчал. Стимуляция такого количества редек снова истощила его силы.

— Цю, цю, — заметила Вторая. — Животик поёт, папа голодный.

— Да, папа голодный, — поддразнил её Тао Цю. — Может, папе съесть своих малышей, чтобы наестся?

Птенцы не испугались. Они знали, что папа никогда их не обидит.

— Цю, цю-цю, цю-цю, — фыркнула Вторая. — Папа, ты нас не обманешь. Папа никогда не съест своих малышей, папа нас очень любит.

— Ах, какая Сюэсюэ умная, не поддалась на мой обман, — притворно вздохнул Тао Цю.

— Цю, цю-цю! — гордо выпятила грудку Вторая. — Да, я самая умная птичка!

Тао Цю рассмеялся, принёс заготовленное мясо и, жуя, поделился с птенцами планами.

— Сейчас я выращу ещё партию редьки для семян. Завтра отдохнём, а послезавтра будем сажать. Я простимулирую их до состояния рассады, а дальше пусть растут сами. Оставшееся время я посвящу грушевым деревьям. Нужно, чтобы они успели дать плоды до снега.

Он рассказывал это птенцам не только для того, чтобы самому ещё раз всё обдумать, но и чтобы они чувствовали себя частью общего дела.

Ведь это были их общие запасы на зиму. Они тоже были членами семьи и имели право знать. К тому же, это воспитывало в них чувство ответственности.

— Цю-цю, — сказал Старший. — Как папа скажет, так и будет.

Словно сами небеса решили помочь Тао Цю. Ночью пошёл дождь, который лил до полудня следующего дня, пропитав сухую землю влагой. Теперь ему не придётся таскать воду для полива.

На следующий день Тао Цю не использовал свою способность. Утром они с птенцами валялись в гнезде, болтали и дремали. Днём он один спустился в долину и рядом со старой грядкой разбил новую, побольше, для редьки.

Вечером они легли спать рано, чтобы набраться сил перед завтрашним большим делом.

От волнения Тао Цю проснулся с первыми лучами солнца.

Трое птенцов, словно пушистые комочки, ещё спали на нём. Он осторожно сел, аккуратно снял их и переложил в мягкое гнездо.

Взяв бамбуковый тубус с водой, он вышел умыться. Вернувшись, он услышал тихий писк.

— Папа.

Тао Цю обернулся. У края гнезда стояла Третья и с улыбкой смотрела на него.

Он поставил тубус, подошёл, взял её на руки и поцеловал.

— Когда проснулась? — тихо спросил он.

— Цю-цю. — Когда папа перекладывал меня в гнездо.

Тао Цю посмотрел на двух других спящих птенцов и, взяв Третью, подошёл к каменному столу.

— Раз уж проснулась, поможешь папе резать мясо для завтрака.

Это была редкая возможность побыть с отцом наедине, и Третий, конечно же, согласилась.

Пока Тао Цю работал, она сидела у него на плече, и её сияющие глазки не отрывались от его лица.

Когда он нарезал порции на четверых, небо посветлело ещё больше, и проснулись Старший со Второй.

— Цю-цю. — Доброе утро, папа.

— Доброе утро. Идите завтракать.

Трое птенцов привычно запрыгнули на стол, нашли свои бамбуковые мисочки и принялись уплетать за обе щёки.

Когда совсем рассвело, Тао Цю сложил в бамбуковый тубус семена редьки и груши, прихватил обед и, обняв птенцов, спустился в долину.

Он усадил их на камень и пошёл осматривать новую грядку.

Старая грядка, на которой росли ягоды и помидоры, впитала часть его энергии и выглядела гораздо плодороднее, почти как настоящая чернозёмная земля.

На её фоне новая грядка казалась совсем бедной и бесплодной, словно на ней ничего не могло вырасти. Но по сравнению с тем, что было до обработки — сплошной камень, — это был большой прогресс.

Вчера Тао Цю вытащил оттуда почти все камни и взрыхлил землю большими когтями. За ночь земля проветрилась и стала мягкой.

Он ещё раз прошёлся по грядке, разбил комья земли и начал сеять семена редьки.

Сначала он показал, как это делать, широким жестом разбросав семена, и объяснил, что сеять нужно равномерно. Затем он дал им немного семян, чтобы они попробовали сами.

Птенцы, не умея превращаться в людей, не могли сеять руками. Они набирали семена в клювы, подпрыгивали к пустому месту и, наклонив головы, потихоньку высыпали их на землю.

Приходилось делать несколько заходов, это было долго и неудобно, но все трое были очень довольны.

Это была их редька, и они помогали папе.

Когда все семена были посеяны, Тао Цю присыпал их тонким слоем земли и, встав рядом, на глазах у птенцов начал вливать свою энергию в землю, словно поливая её невидимым дождём.

Сам Тао Цю чувствовал потоки энергии, а вот птенцы могли лишь наблюдать, ничего не видя.

Процесс был довольно скучным. Сначала они с интересом смотрели, но потом заскучали. К тому же, сегодня они встали рано, и вскоре все трое, сгрудившись, начали клевать носами.

Тао Цю, обернувшись и увидев это, невольно ускорил поток энергии, чтобы закончить поскорее.

Птенцы не знали, сколько они так продремали, но вдруг услышали весёлый голос: «Готово!» Они тут же проснулись и, подняв головы, увидели, что голая земля покрылась густым ковром зелёных ростков редьки.

— Цю-цю! Цю-цю! — выпучила глаза Вторая. — Все выросли! Папа такой сильный!

— Цю-цю, — Третьему тоже понравилась эта зелень. — Очень красиво.

Старший молчал. Он прикидывал в уме, какого размера вырастет каждая редька, и представлял, что если все эти ростки созреют, то в пещере можно будет построить целую гору из редьки.

Тао Цю сел на камень отдохнуть и, разрезав большую круглую грушу, вынул из неё несколько семечек.

За несколько дней груша стала ещё ароматнее. Когда он её разрезал, сок брызнул во все стороны, и у птенцов потекли слюнки.

— Я бы дал вам попробовать, — объяснил Тао Цю, видя их умоляющие взгляды, — но от неё можно опьянеть. Вы ещё маленькие, вам нельзя.

В его глазах эта штука была сродни крепкому алкоголю. А детям пить нельзя.

— И папа тоже не будет. Мы закопаем её в землю как удобрение.

Тао Цю сначала думал, что раз груша так приятно пахнет, то можно оставить её в пещере как освежитель воздуха. Но, видя, как мучаются птенцы, решил не дразнить их.

Заметив в их глазах явное разочарование, он улыбнулся:

— Не переживайте, скоро вы сможете есть новые груши. И тогда — сколько захотите.

Раз уж редька после его обработки стала сладкой и вкусной, то и груша, у которой был всего один недостаток, наверняка станет ещё лучше.

Обещание Тао Цю немного утешило птенцов.

Он отвёл их подальше от грядки, поближе к пруду, и вместе они вырыли две ямки, в которые посадили семена.

Семечек было восемь, но Тао Цю выбрал только два, самых крупных и полных. Он не был уверен, что до зимы успеет вырастить больше двух деревьев.

Остальные семена он решил пока приберечь.

Он начал стимулировать рост семечка, которое посадил сам. Сев на землю, он усадил птенцов к себе на колени, чтобы они могли спокойно поспать, и пообещал разбудить их к обеду.

Но, видимо, они уже выспались. Поклевав носами пару минут, птенцы окончательно проснулись.

Раз спать не хотелось, а делать было нечего, пришлось искать себе развлечение.

Второй предложила пойти поиграть у пруда. Тао Цю спросил, не нужно ли им принести их маленький бамбуковый плот, но они отказались, сказав, что просто походят по берегу.

Тао Цю велел им звать на помощь, если что, и снова сосредоточился на растениях. Птенцы были послушными, он им доверял.

Третья, на самом деле, хотела остаться с папой, но не хотела, чтобы он и её брат с сестрой считали её такой же робкой, как раньше. К тому же, ей и самой немного хотелось поиграть, поэтому, когда сестра позвала её, она не стала отказываться.

Птенцы на своих коротеньких ножках добежали до пруда. Вода была прозрачной, и в ней отчётливо отражались их фигурки.

Вторая склонила голову набок, взмахнула крыльями и стала разглядывать своё отражение.

— Цю-цю-цю, цю-цю, цю-цю, — самодовольно прочирикала она. — Я похожа на папу. Папа красивый, и я тоже красивая.

Птенцы с рождения не покидали долину и, кроме своей семьи, видели только мёртвых или полуживых зверьков, которых приносил отец. Они не считали их уродливыми, но и красивыми тоже. Их представления о красоте основывались на облике Тао Цю.

Хотя он и часто называл их милыми, птенцы всё равно считали, что быть похожим на папу — лучше всего.

И белоснежные перья, и зелёные глаза, и даже немного озорной характер — всё это Второй унаследовала от отца. Она была его точной копией в детстве, и очень этим гордилась.

Услышав слова сестры, Третья тоже порадовалась, что её перья почти полностью белые. Но, увидев в отражении свои кристально-чистые фиолетовые глаза, она с грустью опустила голову.

Цвет её глаз был не такой, как у папы, брата и сестры...

В этот момент Второй, налюбовавшись собой, повернулась к сестре и весело защебетала:

— Сестричка, у тебя перья тоже как у меня и у папы, но у тебя они особенные, на хвосте есть

чёрное пятнышко. Папа говорит, это как таньюань. Таньюань, наверное, очень вкусный, папа и мы все любим вкусняшки.

Настроение Третьего, до этого упавшее, после слов сестры снова медленно поползло вверх.

И правда, ну и что, что глаза другого цвета. Они все — дети своего отца. Папа любит и заботится о брате и сестре, и точно так же любит и заботится о ней.

Даже когда она болела, папа и её брат с сестрой уделяли ей ещё больше внимания.

Маленькая заноза в её сердце, не успев вырасти, была сглажена любовью близких. В её глазах засияла улыбка, и она с благодарностью прочирикала:

— Спасибо, сестричка.

Вторая, на самом деле, не заметила перемены в настроении сестры. Она сказала это просто потому, что так думала. Вот уж действительно, в простоте есть своя прелесть.

Она решила, что сестре понравились её слова, и что она, как и говорил папа, — милая и ласковая. От этого её гордость стала ещё больше, и она важно выпятила грудь.

Стоявший рядом Старший смотрел на сестёр, и в его зелёных глазах читалось облегчение.

Он заметил, как изменилось настроение Третьего. Когда-то он и сам испытывал нечто подобное.

Ведь во всей семье только у него были чёрные перья. Он чувствовал себя чужим и иногда хотел спросить у отца, почему он не такой, как все. Но каждый раз, встречая его полный любви взгляд, он не решался.

Постепенно, взрослея, он сам нашёл ответ. Причиной его переживаний была не разница в цвете перьев, а страх... страх из-за этого отличия лишиться отцовской заботы и внимания.

Но папа любил каждого из них одинаково, независимо от цвета перьев. Поняв это, он успокоился.

Он понимал чувства Третьей и хотел её утешить, но не успел — Вторая невольно сделала это за него.

Третья заметила взгляд Старшего и, встретившись с ним глазами, сказала:

— Цю-цю, цю-цю. — Братик, ты, как и папа, очень добрый к нам.

— Цю-цю-цю, цю-цю, — согласно закивала Вторая. — И братик, и папа нас защищают. Братик и папа — хорошие.

— Цю-цю-цю, — мягко подытожил Старший. — Мы все самые лучшие.

Тао Цю, оторвавшись от дел, посмотрел на детей. Они стояли плечом к плечу и о чём-то щебетали. Вид у них был очень счастливый.

Дети дружны — что может быть лучше.

Он снова сосредоточился на работе, увеличив поток энергии. Чтобы обеспечить себя и детей овощами и фруктами на зиму, нужно было постараться!

...

К обеду перед Тао Цю уже вырос саженец груши высотой ему по колено.

Потерев заурчавший живот, Тао Цю позвал играющих детей обедать.

Птенцы прибежали, и у каждого в клюве было что-то. Старший с трудом тащил маленький бамбуковый стаканчик с водой, Вторая — красивый камушек, а Третья — жёлтый цветочек.

Подарки были разные, но все предназначались Тао Цю.

— Цю-цю, цю-цю-цю, — смущённо и радостно прочирикала Третья. — Папа, ты устал. Это тебе от нас подарки.

Встретив их выжидающие взгляды, Тао Цю вдел цветок в волосы, аккуратно положил камушек и залпом выпил воду из стаканчика.

— Спасибо, мои хорошие. Мне очень-очень нравятся ваши подарки.

— Цю-цю, — сказал Старший. — Главное, чтобы папе нравилось.

— Цю-цю-цю! — подпрыгнула от радости Вторая. — Я так и знала, что папе понравятся наши подарки!

Тао Цю поставил перед каждым птенцом их бамбуковые мисочки, разложил по ним нарезанное

мясо и редьку и с улыбкой сказал:

— Конечно, мне нравится всё, что вы дарите. А тем более, когда вы так старались.

Стаканчик Старший принёс, когда они ещё играли. Тао Цю тогда не придавал этому значения, а теперь понял: Старший видел, что он долго сидит на жаре, и догадался, что ему захочется пить.

Второй любила красивые камушки, но те, что отвечали её эстетическим требованиям, попадались редко. Она очень дорожила своей коллекцией, но всё равно отдала ему самый красивый.

Цветов в долине было мало, особенно в это время года. Чтобы найти такой яркий и свежий цветок, Третьему тоже пришлось постараться.

Даже если птенцы ничего не говорили, Тао Цю видел их заботу. Так же, как и они, жалея его, дарили ему подарки.

Осознание того, что отец оценил их старания, наполнило сердца птенцов радостью, и за обедом они, увлечшись, съели больше обычного.

Редьку, которую они выкопали заранее, они ели на завтрак, обед и ужин, и сегодня она закончилась.

— Цю... — Вторая похлопала себя по животу крылом. — Животик стал толстым.

Её наивный вид рассмешил Тао Цю. Он взял трёх наевшихся до отвала птенцов, превратившихся в круглые шарики, и по очереди стал гладить им животики, чтобы еда лучше усвоилась.

Сытые, они быстро разомлели. К тому же, папа гладил так приятно, что вскоре все трое, не в силах бороться со сном, уснули.

Держа их на руках, Тао Цю продолжал стимулировать рост груши. Только после обеда, когда солнце стало невыносимо палить, он вернулся с птенцами в пещеру.

Вечером, после ужина, когда жара спала, он снова принялся за работу.

Почти каждый раз он брал птенцов с собой. Их весёлая возня скрашивала монотонность его занятия.

Чаще всего они играли в «коршуна и цыплят». И даже самая слабая, Третья, предпочитала быть «коршуном»-охотником. Видимо, сказывались инстинкты.

Тао Цю иногда давал им советы, и вскоре они научились многим хитростям, как в нападении, так и в защите.

Птенцы были очень заботливыми. Каждый день они придумывали для него новые подарки. Когда идеи заканчивались, они просто ласкались к нему, пели песни — в общем, не давали ему скучать.

Чтобы другие мутанты ничего не заподозрили, Тао Цю по-прежнему вылетал на патрулирование и охоту. К долине никто из чужаков не приближался, так что о его способности и о птенцах, скорее всего, ещё никто не знал.

Так, в трудах и заботах, пролетел месяц.

Редька разрослась, как сорняк, и с высоты её грядка выглядела как сплошной зелёный ковёр. А вот грушевые деревья сохранили облик своего родителя: их стволы и листья были чёрно-фиолетовыми, и даже цветы были фиолетовыми. Выглядело это жутковато, но в то же время было в этом что-то странно красивое.

Тао Цю, день за днём вливая в них свою энергию, вырастил оба дерева до четырёхметровой высоты. Они были покрыты густой листвой, а когда зацвели, их аромат, дурманящий и пьянящий, разнёсся по всей долине.

Птенцам нравился этот запах, и они часто просили отца посадить их на ветки. Иногда они прятались в листве и играли с ним в прятки.

— Цю, цю-цю? — Папа, ты меня видишь? — весело чирикнула Вторая.

Тао Цю, заметив в листве белое пятнышко, улыбнулся:

— Нет, Сюэсюэ так хорошо спряталась, папа уже несколько кругов сделал, а всё никак не найдёт.

— Цю? — А меня? — не выдержала Третий.

— И Юаньюань папа тоже не видит. Ох, как же вы хорошо спрятались, папе, наверное, придётся долго вас искать.

Услышав это, птенцы радостно защебетали.

Старший был самым осторожным, к тому же его тёмные перья идеально сливались с листвой. Он сидел тихо, и Тао Цю, напрягая всё своё зрение, как в детстве в играх «найди отличия», нашёл его только с третьего раза.

Иногда, увлечшись игрой, птенцы, уворачиваясь, срывались с веток.

Маленькие комочки, ещё не умеющие летать, беспомощно махали крыльями, но не боялись. Они знали, что внизу их ждёт папа.

Тао Цю в очередной раз ловко поймал сорвавшуюся Вторую и, видя её восторженный взгляд, напомнил:

— Время вышло, пора домой, ужинать.

Старший и Третий выглянули из-за веток. Они, как и Второй, явно были не прочь поиграть ещё.

— Цю-ю, цю-цю-ю, — заканючила Вторая, теребясь в руках Тао Цю. — Ну пожа-а-алуйста, ещё немножечко.

— Эту фразу ты уже говорила три раза, — пожурил её Тао Цю, легонько щёлкнув по клюву.

— Цю... — Па-а-ап...

— Никакие уговоры не помогут, — строго сказал Тао Цю. — Чтобы расти здоровыми, нужно есть вовремя.

— Цю, — видя, что уловка не сработала, Вторая с отчаянием распласталась в его руках, превратившись в снежный блинчик.

Тао Цю рассмеялся, подхватил двух других птенцов и полетел в пещеру.

Но птенцы любили не только играть, но и есть. Как только во рту оказалось мясо и сладкие фрукты, все обиды были тут же забыты.

После ужина птенцы, сгрудившись, играли, помогая друг другу переваривать пищу.

За эти дни у них начали расти длинные и жёсткие маховые перья. Услышав от Тао Цю, что это верный признак скорого полёта, птенцы пришли в восторг и каждый день пересчитывали друг у друга новые перья.

Видя, как они веселятся, Тао Цю взял бамбуковый тубус, собираясь спуститься в долину.

Не успел он ничего сказать, как Старший заметил его движения и привычно спросил:

— Цю-цю? — Папа опять пошёл сажать «вонючку»?

«Вонючкой» они называли перезревшую, превратившуюся в жижу редьку. С тех пор, как они однажды нанюхались, это название так и прилипло.

— Да, — ответил Тао Цю. — Нужно заготовить побольше.

<http://bllate.org/book/15883/1586193>